

Оглавление

<i>Введение</i>	7
Глава 1. Эволюция.....	13
Глава 2. Первобытное питание.....	25
Глава 3. Шумерские питейные заведения	31
Глава 4. Древний Египет	45
Глава 5. Греческий симпозиум.....	61
Глава 6. Древний Китай	75
Глава 7. Библия	85
Глава 8. Римский пир	95
Глава 9. Темные века.....	111
Глава 10. Ближний Восток	123
Глава 11. Пиршественные чертоги викингов.....	141

Глава 12. Средневековая пивная	155
Глава 13. Ацтеки.....	171
Глава 14. Джиновое безумие.....	179
Глава 15. Австралия	199
Глава 16. Салун на Диком Западе	213
Глава 17. Россия	235
Глава 18. Сухой закон.....	247
<i>Эпилог .....</i>	<i>264</i>
<i>Библиография .....</i>	<i>269</i>
<i>Благодарности.....</i>	<i>276</i>

Введение

Боюсь, я не знаю, что такое опьянение на самом деле. Странновато слышать подобное от человека, который взялся писать историю употребления спиртного, но, положила рука на сердце, если бы писателей останавливала такая мелочь, как незнание, книжные магазины давно бы опустели. Нет, какое-то представление о предмете у меня есть. Обширные эмпирические исследования в этой области я веду с нежных четырнадцати лет. Во многом я напоминаю себе святого Августина с рассуждениями в духе: «Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю»*. Вот так же и у меня — только слово «время» нужно заменить на «опьянение».

Да, мне известны кое-какие базовые медицинские факты. После пары джин-тоников у нас слегка плывут рефлекс

---

* Цит. по: Блаженный Августин. Исповедь / Пер. М.Е. Сергеевко. — СПб.: Наука, 2013.

сы, после дюжины съеденное за обедом просится наружу, а ноги перестают слушаться, ну и после какого-то числа, которое я на практике уточнять не хочу, можно попроситься с жизнью. Но ведь мы знаем (в Августиновом смысле) опьянение с какой-то другой стороны. Если у меня на пороге вдруг возникнет озадаченный марсианин с вопросом, почему население всей этой загадочной планеты постоянно употребляет алкоголь, что я ему отвечу? «Ну, чтобы замедлить реакцию. Иначе не получится проигрывать в настольный теннис».

В этот момент обычно кто-нибудь вытаскивает из рукава фальшивый козырь: мол, алкоголь раскрепощает, избавляет от комплексов. Нет ничего более далекого от истины. То, что я творю под мухой, в здравом уме у меня просто желания не возникнет делать. Скажем, вести многочасовые беседы с людьми, которых в трезвом состоянии я записываю в зануды. Помню, как однажды я размахивал крестом, высунувшись из окна квартиры в Камден-Тауне, и призывал прохожих покаяться. Не сказать чтобы я «очень хотел, но просто стеснялся» проделать подобное в трезвой ипостаси.

Вообще-то «состояние опьянения» можно вызвать и без алкоголя. Пара пустяков: раздать народу безалкогольное пиво, умолчав, что оно без градуса, а потом знай себе наблюдай и записывай. Социологи проворачивали такой фокус неоднократно, выводы из их экспериментов следуют вполне однозначные и исчерпывающие. Вывод номер один: за социологом в баре нужен глаз да глаз, мало ли какие козни у него на уме. Вывод номер два:

если вы принадлежите к культуре, в которой считается, что алкоголь провоцирует агрессию, вы начнете буйнить. Если в вашей культуре алкоголь — это часть религиозного обряда, вы проникнетесь религиозными чувствами. Причем от раза к разу поведение может меняться. Если коварный социолог сообщит, что изучает воздействие спиртного на либидо, все впадут в игривое настроение, а если объявит предметом исследования пение, всем резко захочется петь.

Поведение может зависеть даже от характера якобы употребляемого напитка. Хотя активная составляющая — этанол — в любом спиртном одна и та же, поведение выпившего будет меняться в зависимости от происхождения напитка и ассоциаций, которыми он оброс в культуре. Приняв пару пинт лагеря, англичанин начнет задираться, тогда как под воздействием вина, которое связано в его сознании с роскошью, изысками, с Францией, будет демонстрировать светский лоск и утонченность (в самом тяжелом случае отрастит на макушке берет). Не случайно у нас есть пивные дебоширы, но нет вермутных вандалов и кампари-мятежников.

Некоторых такой подход очень злит. Они настаивают, что все зло, например насилие, именно от алкоголя. Если возразить, что насилие и агрессия свойственны даже тем культурам, где спиртное под запретом, в ответ услышишь только хмыканье. Если заявить (а я могу!), что пью поболее многих, однако пальцем никого не тронул где-то с восьмилетнего возраста (а зловердные напитки я впервые пригубил куда позже), такие люди скажут: «Ну,

вы не трогаете, а другие?» Вечно эти «другие», все-то они портят. Тем не менее большинству людей вполне по силам пить весь вечер на приличном званом ужине и ни разу не замахнуться на соседа.

Однако если вам — маловероятно, но вдруг — доведется перенестись во времени и пространстве, какой-нибудь древний египтянин очень удивится вашему нежеланию пить в ожидании львиноголовой богини Хатхор: как же так, ведь все пьют. И шаман эпохи неолита будет недоумевать, почему вы не общаетесь с духами предков. А представитель эфиопского народа сури может поинтересоваться, с какой стати вы отлыниваете от работы. Потому что именно к работе сури приступают после возлияния, даже поговорка такая есть: «Где нет пива, нет работы». Замечу в скобках, это называется «переходное возлияние» — знаменующее переход от одного этапа к другому. Мы в Англии пьем по окончании рабочего дня, а сури отмечают выпивкой его начало.

Посмотрим с другой стороны. На похоронах, допустим, Маргарет Тэтчер в могилу усопшей не клали бокалы для вина и ассортимент ближайшей винной лавки. У нас такое не принято и показалось бы странным. Хотя в действительности странно — нетипично, не как все — поступаем именно мы. На протяжении почти всей обозримой истории человечества глав государств и вождей погребали со всем необходимым для знатной попойки на том свете. Это относится и к царю Мидасу, и к правителям додинастического Египта, и к древнекитайским шаманам, и, само собой разумеется, к викингам. Даже те, кто испустил

последний вздох давным-давно, не прочь время от времени угоститься — спросите кенийское племя тирики, которое на всякий случай периодически льет пиво на могилы предков.

Употребление спиртного — явление почти универсальное. Алкогольные напитки существуют почти в каждой культуре мира, а те, кто не озаботился их изобретением — народы Северной Америки и Австралии, — были колонизированы озаботившимися. Однако функции выпивки варьировались во времени и пространстве. Тут вам и празднование, и обряд, и повод кому-то вмазать, и путь к принятию решений и заключению договоров, и тысяча других своеобразных применений. Древние персы, обдумывая важное политическое решение, обсуждали его дважды — на пьяную голову и на трезвую. Если результаты совпадали, персы переходили к действиям.

Вот о подобных материях и пойдет речь в этой книге. Не об алкоголе как таковом, а о питье спиртного — о заблуждениях, с ним связанных, о его божествах. Начиная от Нинкаси — шумерской богини хмеля — и заканчивая четырьмястами пьяными кроликами у ацтеков.

Прежде чем мы приступим, сделаю еще пару замечаний. Первое: перед вами краткая история. Полная история взаимоотношений людей со спиртным потребовала бы изложить всю историю человечества, на нее бы просто бумаги не хватило. Поэтому я беру отдельные исторические моменты и смотрю, как обстояли дела с зеленым змием в это время. Что в действительности творилось в салунах Дикого Запада, в средневековой тавер-

не, на древнегреческом симпозиусе? Что делала древняя египтянка, если ей хотелось горячительного? Разумеется, вечер на вечер не приходится, но какое-то представление обо всем этом, пусть несколько расплывчатое, получить можно.

Авторы исторической литературы любят упоминать, что такой-то или такой-то был пьян, но подробности норовят опустить. Где пили? С кем? В какое время суток? Питье всегда регламентировалось целым кодексом правил — чаще всего негласных. В современной Британии, скажем, хотя законодательно это нигде не закреплено, всякий знает, что до полудня пить не полагается (загадочное исключение — аэропорты и крикетные матчи).

Однако где-то в глубинах этого кодекса затаилось пьянство без правил. Пресловутый анархист на коктейльной вечеринке. Вот за ним (точнее, за ней, анархисткой, — мне кажется, она все-таки, женского пола, ведь обычно хмельными напитками ведают богини, а не боги) я и хотел бы понаблюдать. В идеале в наручники бы ее и сфотографировать анфас и в профиль — но это вряд ли возможно. А жаль, поскольку тогда у меня нашлось бы наглядное пособие для озадаченного марсианина, выясняющего, что такое пьянство.

ГЛАВА I

Эволюция

Природой так заведено, закон ее гласит,
Что повсеместно должен в ней содержаться спирт.
В деревьях, листьях и плодах его не занимать —
А значит, есть резон и нам слегка на грудь принять.

А. П. ХЕРБЕРТ (1956)

Мы употребляли спиртное еще до того, как стали людьми. Алкоголь встречался и встречается в природе в естественном состоянии. Четыре с чем-то миллиарда лет назад, когда жизнь только зарождалась, одноклеточные микроорганизмы, плававшие в первичном бульоне, поглощали простые сахара и выделяли этанол и углекислый газ. То есть, по сути, мочились пивом.

К счастью, жизнь не стояла на месте — появились деревья, а на них фрукты, которые, перегнивая, естественным

образом сбраживаются. В процессе брожения выделяется сахар и спирт — главное лакомство плодовых мушек дрозофил. Неизвестно, пьянеют ли дрозофилы в нашем, человеческом понимании. Они, увы, не разговаривают, не поют и не садятся за руль. Однако доподлинно установлено, что самец дрозофилы, жестоко отвергнутый заносчивой самкой, резко увеличивает дозу потребляемого спирта.

К сожалению для животных, алкоголь в природе образуется не в таких больших объемах, чтобы устраивать грандиозные попойки. Хотя бывают и исключения. Колумбийским ревунам — обезьянам, обитающим на одном из островов у побережья Панамы, — случается наесться перезревших паданцев пальмы тукум (содержание алкоголя — 4,5% об.). Сначала они шумят и буйнят, потом соловеют и шатаются, потом нередко валятся с деревьев и калечатся. В пересчете на массу тела обезьяны это все равно что выхлебать две бутылки вина за полчаса. Но колумбийские ревуны — особая статья. Большинству животных накваситься просто нечем (разве что какой ученый поспособствует — отловит, посадит в лабораторную клетку и начнет накачивать спиртосодержащими продуктами).

Наблюдать за пьяным животным — такая умора! Наверняка ученые, выясняя в ходе тщательно продуманных экспериментов, как воздействует алкоголь на мозг и поведение братьев наших меньших, с трудом удерживаются от смеха. Что будет, если подпоить крысу? А если предоставить ей неограниченный доступ к алкоголю?

А если устроить гулянку за счет заведения для целой колонии крыс?

На самом деле они ведут себя вполне прилично. За исключением первых нескольких дней. В эти первые дни крысы не знают удержу, но потом большинство начинают прикладываться к спиртному всего пару раз в сутки — перед едой (ученые называют это аперитивом) и отправляясь спать («рюмочка перед сном»). Раз в три-четыре дня наблюдается резкий всплеск употребления алкоголя — крысы собираются на скромные вечеринки. Вроде бы сплошная идиллия, и, если вы уже начали жалеть, что не родились крысой, это простительно. Но не забывайте о двух нюансах: во-первых, не каждой крысе везет стать участницей экспериментов, и, во-вторых, у пьянства в семействе мышиных есть и обратная сторона медали. У крысиной стаи, как правило, имеется вожак — крысиный король. И он трезвенник. Наиболее высокий уровень потребления алкоголя отмечается у самцов с самым низким иерархическим статусом. Они пьют, чтобы успокоить нервы, чтобы забыться, да и, кажется, просто потому, что жизнь не задалась.

Это одна из основных проблем в изучении алкогольных пристрастий у животных. Когда тебя держат в клетке и при этом постоянно теребят и дергают, ты приложишься к любому одурманивающему веществу, какое тебе подсунут. Впрочем, поменять нас и животных местами — и будет то же самое. Если стая орангутанов утащит меня под полог тропического леса на Борнео и примется накачивать

сухим мартини, я наверняка налагаюсь за милую душу — не в последнюю очередь потому, что боюсь высоты.

Потому ученым приходится изыскивать хитрые способы подпоить животное, не вгоняя его в стресс. Особенно это касается слонов: пьяный слон в панике смертельно опасен. Он впадает в ярость. В 1985 году в Индии был случай, когда стадо слонов вломилось на спиртовой завод. Ничего хорошего из этого не вышло. Сто пятьдесят гигантов устроили пьяный дебош и, круша все на своем пути, разнесли семь бетонных зданий и затоптали насмерть пять человек. Честно говоря, и один пьяный слон — уже много, а сто пятьдесят — чистая катастрофа.

Такие эксперименты лучше проводить в заповеднике, там проще контролировать ситуацию. Грузите пару бочек пива в пикап, подвозите поближе к слонам, снимаете крышки — гуляем, ребята! После недолгой потасовки почти все пиво уговаривают крупные самцы — вам же остается только потешаться над тем, как серая громадина путается в ногах, а потом заваливается спать. Однако и здесь может получиться накладка. Одному ученому, который позволил доминирующему самцу заметно перебрать, пришлось разнимать его с носорогом. Обычно слоны к носорогам не лезут, но от пива их тянет на подвиги.

Куда безопаснее иметь дело с муравьями. Одно время рассматривалась гипотеза о существовании у них системы паролей: уже было известно, что эти насекомые живут колониями и чужака из другой колонии в муравейник не пропустят, осталось только разобраться, как они отличают своих от чужих. Гипотеза о паролях была довольно

странная, но у чудаковатых викторианских естествоиспытателей пользовалась популярностью, пока ее окончательно не развенчал сэр Джон Леббок, 1-й барон Эйвебери, проведя в 1870-х годах серию опытов:

Предполагают, будто бы в каждом муравьином гнезде принят некий знак или пароль, помогающий опознать своих. Чтобы проверить, так ли это, я попробовал лишить муравьев восприимчивости. Сперва я применил хлороформ, но обнаружил, что он для них смертелен, и результаты опыта... меня не удовлетворили. Тогда я решил опьянить подопытных. Это оказалось сложнее, чем я ожидал. Ни один из моих муравьев не желал опускаться до пьянства. Но я преодолел затруднение, погружая их на несколько минут в виски. Я взял пятьдесят особей, двадцать пять из одного гнезда и двадцать пять из другого, напоил их в дым, пометил каждого каплей краски и выпустил на стол, где кормились другие муравьи из первого гнезда. Как обычно, стол был окружен водяным рвом, чтобы муравьи не расползлись. Вскоре едоки заметили тех, которых я напоил, и явно пришли в замешательство, видя своих товарищей в таком позорном состоянии и не меньше нашего теряясь, как же поступить с пьянчугами. Не буду долго тянуть: в конце концов их всех унесли прочь. Чужаков подтащили ко рву и столкнули в воду, своих отволокли домой в гнездо, и там они постепенно проспались. Таким образом, очевидно, что своих муравьи отличают, даже когда те не способны подать знак или сообщить пароль.

Эксперимент может показаться чудачеством и глупостью, однако параллели между пьянством у человека и у животных, отражение «голового» в «шерстистом», способствовали величайшему прорыву в викторианской биологии. Чарльз Дарвин находил пьяную обезьяну забавной. Этого у нее не отнять. Но смех смехом, а он тоже придавал серьезное значение обезьяньему пьянству. Вот, например, заинтриговавший ученого способ поимки павиана:

[Немецкий зоолог] утверждает, что туземцы северо-восточной Африки ловят диких павианов, выставляя сосуды с крепким пивом, которым павианы опиваются. Он наблюдал некоторых из этих животных в неволе в пьяном виде и дает пресмешное описание их поведения и странных гримас. На следующее утро они выглядели очень угрюмыми и расстроенными; они держались обеими руками за болевшие головы и имели самое жалкое выражение; когда им предлагали пива или вина, они отворачивались с отвращением, но жадно глотали лимонный сок. Одна американская обезьяна *Ateles* (обезьяна-паук), напившись допьяна бренди, ни за что больше не дотронется до него, доказывая, что она умнее многих людей. Эти мелкие факты показывают, насколько должны быть сходны вкусовые нервы у обезьян и у человека*.

Коль скоро человек и обезьяна пьянеют схожим образом, они наверняка состоят в родстве, рассудил Дарвин.

---

* Цит. по: Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор / Пер. И. Сеченова. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1953.

Это был не единственный его довод, однако он тоже лег в основу теории, согласно которой принадлежность папе римскому примата над остальными епископами не отменяет принадлежности самого папы к приматам.

К тому же Дарвин предвосхитил одну гораздо более позднюю версию доказательства того, что человек произошел от животных.

Гипотеза «пьяной обезьяны»

Склонность к употреблению спиртного заложена в человеке природой. И мы в этом деле несказанные мастера. Здесь нам нет равных среди млекопитающих — ну, кроме разве что малайской тупайи. Никогда не пытайтесь перепить малайскую тупайю — а если и ввяжетесь в состязание, не ведитесь на уговоры сделать поправку на массу тела. Тупайя может спокойно оприходовать девять стаканов вина — и ей хоть бы что. В ходе эволюции у нее выработалась способность питаться забродившим пальмовым нектаром: миллионы лет естественный отбор выявлял среди тупай лучших потребителей спиртного, и теперь любая тупайя может претендовать на чемпионство.

Но и мы такие же. Мы тоже эволюционировали в области питания. Десять миллионов лет назад наши предки слезли с деревьев. Зачем — вопрос открытый, вполне возможно, что их влекли чудесные перезрелые плоды, усыпавшие лесную подстилку. В таких плодах больше сахара и спирта. Соответственно, у нас развивалось чутье на спирт — спо-

способность улавливать его запах на расстоянии. Где спирт, там и сахар, усваивали мы.

С этой способностью связан так называемый «эффект аперитива»: вкус или запах алкоголя пробуждают желание поест. И это, если задуматься, довольно странно. Алкоголь и так достаточно калориен, почему же его потребление провоцирует нас «продолжить банкет»?

Считается, что стаканчик джин-тоника стимулирует пищеварение, но это не так. Алкоголь можно ввести внутривенно, эффект будет тот же. И срывы диет после приема горячительного тоже происходят не от слабоволия. Алкоголь воздействует на определенный нейрон головного мозга*, вызывающий жуткое чувство голода, — этот же нейрон срабатывает, когда мы и в самом деле зверски хотим есть. Для нашего далекого предка, жившего десять миллионов лет назад, все складывалось правильно и логично. Вот вы копошитесь в лесной подстилке, с ностальгическим вздохом вспоминая о жизни в кронах, и вдруг чувствуете ласкающий ноздри аромат перезрелого плода. Вы идете на запах — и вот она, огромная прекрасная дыня или еще какое-нибудь чудо. Осилить ее в один присест трудновато, но отступить не следует. Все эти калории можно запасти в виде жира и сжечь позже. Таким образом у вас формируется обратная связь: с каждым проглоченным куском в организм поступает доза алкоголя, который воздействует на мозг и усиливает чувство голода, вы отку-

---

* AgRP-нейрон в гипоталамусе, если говорить точнее. Что это такое — даже не спрашивайте.

сывааете еще и только разжигаете аппетит, а в результате 500 000 поколений спустя ваш потомок, который заплетается походящей походкой тащится домой из бара, готов продать душу за шаурму.

Но вернемся обратно — на десять миллионов лет назад. Алкоголь привел нас к пище, алкоголь пробудил у нас желание ее доесть, но теперь организм должен этот алкоголь переработать, иначе мы сами пойдем кому-нибудь на корм. С доисторическим хищником и на трезвую-то голову биться трудновато, а уж когда тебя штормит и качает, замахиваться на саблезубого тигра и вовсе гиблое дело.

Коль скоро ко вкусу алкоголя мы привыкли, пора переходить к следующему эволюционному этапу — вырабатывать механизм расщепления. Как раз десять миллионов лет назад мы пережили некую генную мутацию, позволившую нам справляться с этанолом не хуже малайской тупайи. Связана эта мутация с производством определенного фермента*. Человек (или его предок) получил неожиданную возможность перепить всех остальных высших приматов. У современного *Homo sapiens* за переработку алкоголя в энергию отвечают 10% ферментов печени.

Однако в этой эволюционной цепочке было еще одно звено, самое важное для нас, — манера употребления алкоголя. Человек пьет в компании. Мы разливаем на всех. Размякнув, мы признаемся в любви каждому

---

* Алкогольдегидрогеназа класса IV (АДГ IV), если говорить точнее. И про нее тоже не спрашивайте.

встречному, клянемся в дружбе и гоним сентиментальную пургу. Самое интересное в гипотезе «пьяной обезьяны», что все это запрограммировано эволюцией. Нам нравится алкоголь, поскольку он — наша награда за поглощение тонны калорий. Мы делимся им с близкими, поскольку, с точки зрения высших приматов, рационально кормить семью и стаю. Мы пьем сообща, поскольку так проще обороняться от хищников. Один пьяный — добыча, толпа из двадцати пьяных — это даже для обезумевшего от голода саблезубого тигра повод подумать дважды.

Последнее утверждение — самое умозрительное во всей теории, но вроде бы вполне правдоподобное. Мы, люди, умеем пить как никто, и гипотеза «пьяной обезьяны» объясняет почему. Однако далеко не каждый биолог готов под ней подписаться. А ведь есть еще и те, кто считает теорию эволюции бредом, поскольку мир создан неким всеблагим творцом. Креационисты и дарвинисты готовы перегрызть друг другу глотки, но при всей непримиримости у них есть точка соприкосновения. Как известно, Бенджамин Франклин, отец-основатель Соединенных Штатов, назвал вино «доказательством того, что Господь любит нас и хочет, чтобы мы были счастливы». Однако в том же письме он сделал важное замечание по поводу человеческой анатомии:

Чтобы еще больше укрепить свою веру и благодарность Божественному провидению, поразмысли об устройстве нашего локтя. Как ты мог заметить, у животных, пьющих воды земные, при наличии длинных ног имеет-

ся и длинная шея, чтобы им не склонять колен, приходя на водопой. Человек же, которому предназначено пить вино, наделен возможностью подносить бокал к губам. Будь локоть расположен ближе к кисти, эта часть руки вышла бы чересчур коротка и подносить бокал было бы затруднительно; будь он ближе к плечу, эта часть оказалась бы излишне длинна и вино при попытке поднести его к губам выплескивалось бы за спину <...> Однако нынешнее положение локтя позволяет нам пить с удобством, не промахиваясь мимо рта. Так поднимем же бокалы за это благое и мудрое устройство и насладимся напитком!

Кроме того, Франклин доказывал, что Всемирный потоп — это кара за питье воды: дескать, вот вам, хоть залейтесь. Но в каком разрезе ни взгляни, в эволюционном или Божественном, мы созданы, чтобы пить.

ГЛАВА 2

Первобытное питание

В своей нынешней анатомической форме современный человек (такой, как мы с вами) существует уже 150 000 лет, первые 125 000 из которых ему можно было только посочувствовать. Приличная выпивка, насколько нам известно, отсутствовала в принципе. Доподлинно, конечно, судить сложно, поскольку записей первобытный человек не оставил — он был слишком занят охотой, собирательством и наскальной живописью.

Первый проблеск надежды являет нам прекрасная Венера Лоссельская. Примерно 25 000 лет назад кто-то вырезал на стене пещеры пышнотелую даму, которая вроде бы подносит к губам рог для вина. Однако не все с этим согласны. Одни считают, что рог — это музыкальный инструмент, просто дама перепутала, с какого конца в него дуть. Другие археологи говорят, что предмет как-то связан с менструациями. Ну и, даже если это

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru